

В публикуемых ниже заметках — размышления человека, много лет живущего в Корякском автономном округе и воспринимающего судьбу национальных сел как свое, родное. В них — попытка нащупать пути решения создавшихся проблем, обращение к национальному достоинству северного народа. Многие покажутся читателю спорным, резковатым. Но в целом заметки журналиста — это приглашение вместе — в споре, в дискуссии — найти оптимальный путь развития сел.

Редакция предлагает читателям высказать свои суждения, предложения по затронутым в материале вопросам.

1. ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ТОБОЙ, ЛЕСНАЯ?

● ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В Лесную мы добирались вездеходом. Вместе с первым секретарем окружкома партии туда ехали три журналиста, которых перед выездом из Паланы один остро слов окрестил «группой захвата». Две ГТСки везли для села и разные грузы.

Перевал миновали благополучно, а на второй половине пути случилась поломка. Пока водители «разували» вездеход, мы набрали в ближайшем кедровом сушняке, и вот уже на костерке забулькал чайник.

Женщинам — магазины, мужчинам — политика. За чаевкой неизбежно завязался разговор, и — неизбежно — о перестройке в нашем округе. Тем более, что в Москве только что отбурлила Всесоюзная партконференция. Впечатления от нее у каждого из нас были свежи, и беседа шла оживленно. Больше всего волновали вопросы: каковы пути к экономической самостоятельности, самоокупаемости округа? Почему так робко чувствуют себя пока кооперативы, арендаторы, «индивидуальщики»? И есть ли предпосылки для развития кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности в Лесной?

Но вот рассыпавшийся подшпик заменен, чаевка закончена, костер залит, и вездеходы вновь застрекотали то ухабисто-пыльной, то пружинистой, заболоченной дорогой. В село въехали поздно вечером. Оно встретило нас тихой пасмурной погодой и дружным комарьем. Выколотив дорожную пыль из одежды, отправились устраиваться на ночлег.

На другой день, ознакомившись с Лесной, первый секретарь окружкома партии В. В. Кустин пришел на сельский сход.

На сей раз на сходе в сельском доме культуры не было стола президиума под дежурным сукном и дежурными лицами над ним. Была беседа на равных.

Партийный лидер округа без показной демократии от-

кровенно и доверительно рассуждал о том, как лесовцам жить и работать так, чтобы осознать себя хозяевами, чтобы, как подобает уважающим свое достоинство хозяевам, прокормить самих себя, а не продолжать существовать с протянутой за государственным подаванием рукой. Для этого нужна прежде всего инициатива самих жителей села.

Как же реагировали лесовцы на предложение В. В. Кустина в открытую, нелестно обсудить состояние дел? А привычно. Им предлагается реальный выход на самостоятельность: берите дела в свои руки, развивайте исконные национальные ремесла, создавайте кооператив, берите на арендный подряд молодняк КРС; не ждите, когда из Паланы привезут яйца, обзаводитесь курами; займитесь индивидуальным строительством жилья — поддержка вашим начинаниям будет обеспечена. (Кстати, кур, например, для лесовцев уже завезли в конце июля). В ответ на конкретные предложения — либо выжидательное молчание, либо нерешительные, какие-то вялые реплики. Опять ожидание «а чего нам дадут сверху», опять иждивенческий настрой? Что же случилось с тобой, Лесная? Когда ты стала такой?

Тут, наверное, надо сказать вот о чем. Когда речь заходит о национальных делах, я безоговорочно на стороне тех, кто душой, а не показательно, болеет за судьбу родной культуры, родного языка, традиций. Но никогда не соглашусь с иждивенческой позицией нымылана или чавчувена, потому что иждивенчество — кратчайший путь к вырождению. Я слишком русский, и потому не могу равнодушно наблюдать стремление к вырождению своих соотечественников, ведь камчатские народности — незапамятных времен — неразделимое составное России. Никогда не сяду на паперть в один рядок с теми, кто ни-

щенски протягивает руку за подаванием, малодушно отрекаясь от права на самостоятельность, на человеческое достоинство.

Но и возлагать целиком вину за иждивенческие настроения на местных коренных жителей будет попыткой свалить с больной головы на здоровую. Ведь, начав с обучения побелке, стирке, мы пришли к интернатам в нынешнем их состоянии, к без-

как попытку утверждения непререкаемой истины?

Ни за что не стал бы выносить свои откровения на страницы газеты, если бы не понял: явление это наше общее. Только прикрывается оно всякими другими названиями: историческая необходимость, государственный интерес, национальные особенности развития и так далее. На деле же за словесными ширмами — элементарная боязнь высказать честно свое суждение.

Но как ты ни суешься, обряжая свое малодушие в благообразные формулировки, как ни пытаешься играть

ском сходе. Когда и при каких обстоятельствах люди в нашем государстве становились и стали винтиками? Даже на родной пяди земли, даже в занятии исконным ремеслом? Сегодня мы знаем ответ на этот вопрос. Психология винтиков явилась следствием многолетнего отчуждения труженика от земли, от природных ресурсов. Вместо пытливого, рачительного хозяина — всего лишь послушный исполнитель чужой



людью в оленеводческой тундре.

Этот материал мне долго не давался. Настолько долго, что стало неловко появляться на глаза редактору. Давно написаны и напечатаны другие вещи, а лесовская тема ни с места.

В такой ситуации я начал докпываться до причин странной немоты. Их оказалось две. Первая — неодолимое желание сказать все в одном материале, поскольку в проблемах Лесной, как в капле воды, отражаются многие общие наши проблемы. И второе — боязнь. Да, да. Самая примитивная, рабская боязнь: а правильно ли тебя поймут? Хотя бы те же лесовцы? Не поймут ли твои размышления

сам с собой в прятки, правда наружу выйдет, и деться от нее будет некуда. Так что лучше, с болью, с кровью, но сразу вырвать из своего духовного нутра корешки страха, прижившиеся в прошлые мрачные времена. Иначе мы — ничтожества, винтики, не способные быть хозяевами положения на своей земле, в своем Отечестве.

Именно мысль о винтиках не давала мне покоя все дни пребывания в Лесной. Свербила она в мозгу и на сель-

воли, средство для выполнения производственного плана.

Чайку отлучили летать, приохотили ее ходить по земле и кормиться из рук. Как теперь снова вернуть ей небо?

А. ДОЛГОВ.

На снимках: сверху — из старого в новое; внизу — лесовские красавицы.

Фото В. Ильина.

2. Если начистоту

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Давайте послушаем воспоминания пожилых и не очень пожилых жителей Лесной. Почти в каждом из этих воспоминаний прослеживается переломный, 1968-й год: ликвидация колхоза и создание в селе госпромхоза.

В рассказах про колхоз преобладают светлые краски. И олени свои были, и овощами себя обеспечивали (а в Кинкиле картошки собирали столько, что к паланцам отпавляли, бывало), рыбу сами ловили, сами и обрабатывали: колхоз держал свой флот, свою сельдеобработывающую базу имел, местные парни на сейнерах и обработке охотно работали.

Чувствуете? «Свое», «сами»... Часто это «сами» повторяется в рассказах лесновцев. Хоть и туго было в иные годы, и работать приходилось куда больше, зато — сами себе планировали, сами и трудовой ритм назначали.

С появлением в селе госпромхоза «Лесновский» все в сознании людей пошло как-то наперекосяк. Да, реорганизация проводилась под лозунгом повышения благосостояния населения. Да, за двадцать последних лет госпромхоз вложил в Лесную весьма солидные средства: тут и жилье, и электростанция с котельной, и новая меховая мастерская, и много еще чего. Но — «все прогрессы реакционны, если ру-



шится человек». Так сказал поэт. А трезвый политик М. С. Горбачев четко вывел: «...практические меры по укреплению материальной базы села одновременно не подкреплялись соответствующей работой по изменению экономических отношений в деревне».

Правда, экономические отношения в Лесной с приходом сюда госпромхоза видоизменились, но — как? Из работника-хозяина человек превратился в рабсилу, которой отведена одна роль — беспрекословно повиноваться. Сейчас уже не услышишь: «сами», «мы решили». Сейчас иное: «госпромхоз ловит рыбу», «госпромхоз решил». Госпромхоз, госпромхоз, госпромхоз... Его административно-хозяйственная машина узурпировала всю жизнь села.

Надо честно признать: госпромхоз порушил традиционный социально-экономический уклад Лесной. Особенно

мрачными были годы правления последнего директора хозяйства Ю. В. Симакова. Не случайно при нем это рыбацкое национальное село окрестили Симаковкой. Директора сняли, давно его диктатуре пришел конец, а лесновцы до сих пор с испугом, с оглядкой упоминают эту ненавистную здесь фамилию.

Деятельность госпромхоза в Лесной, само присутствие его здесь выдается на всех камчатских управленческих уровнях чуть ли не как благотворительность. Но давайте приглядимся к этой благотворительности «в неподкупном свете дня». Приглашаю снять розовые очки и посмотреть на живущих в атмосфере страха и равнодушия людей, на лакейское угодничество и затаившуюся озлобленность (что им, береговым корякам, вообще не свойственно), на те же дружные всходы иждивенчества. А безработица? Ведь это только в последние два года

число не занятых общественно полезным трудом, как стыдливо называем мы безработных, в селе резко сократилось. А то ведь тоже было проблемой.

А сколько до сих пор недовольных оплатой своего труда мастериц из мехмастерской и разнорабочих! И не только оплатой его.

Нынешней зимой старейшины села решили возродить былое овощеводство. По весне лесновцы собрали, кто что мог, семена, посадили. Женщины рассказывали мне, как переживали они за рассадой капусты. Высаживали ее в дождь, сами до нитки промокли, но дело свое сделали. И только позже поняли, что все их старания были с самого начала бесплодны. Заведующий отделением Е. Н. Родионов отвел под капусту участок вдали от реки, поливать его и не думал, то есть еще в замысле своем обрек рассадку на гибель. А зачем возиться госпромхозу

с какой-то капустой, главное для него — вывезти из местных угодий дорогую пушнину и выкачивает. И — выкачивает. И методами выкачивания этим с профессиональным знанием могли бы поработать, наверное, охотники-рыбаки. Могли бы, да что-то не хотят. Видно, не знающих страшился зверем и стихией, ко еще сидит страх «симаковщины».

Как же сделать так, чтобы национальное село с его красными в своей душе людьми вновь вздохнуло свободно и зажило по-человечески? Может, действительно госпромхоз вовсе и не нужен, и необходимо возращение колхозных, кооперативных отношений?

Это ведь только в последние годы госпромхозовские ководители лесновцы — дыри. На самом-то деле сохранили и свое трудолюбие, и любовь



национальным ремеслам. Несмотря ни на что! Былший оленевод Григорий Григорьевич Яганов даже уже пенсионного возраста. Он — один из старожил, кто заботится о том, чтобы ремесла не зачали, не умер-

ли. Умеет Григорий Григорьевич, как и его ровесники, многое: смастерить оленью или собачью нарту, сделать бубен, изготовить кирпичи из местной глины... Он непрочь поработать со своими учениками и ровесниками-мастерами в кооперативной артели, делать нарты, бубны. Выполни-



ли же они со Спиридоном Михайловичем Ягановым заказ «Мэнго», около пятидесяти бубнов сделали. Можно, конечно можно. Но сразу и много вопросов возникает: помещение для мастерской, сырье, рынок сбыта? Под мастерскую сгодилась бы госпромхозовская бондарка, но согласится ли тот отдать ее в аренду? Торговать нартами можно с нашими северными и чукотскими совхозами, но как с ними на прямую связь выйти? Еще сложнее с бубнами. За границей, думается, они бы в качестве сувениров хорошо пошли, да кто же выпустит лесновского умельца на «не наш» рынок? Оленьи шкуры неплохо прямо у совхоза покупать, но опять же — как?

До чего же отвык труженик, мастер распоряжаться по собственному разумению продуктами своего труда! Многие годы мытем и катаньем отучали его от этого. Не мудрено и разувериться во всем. А чтобы вернуть веру, надо вернуть право лесновцам пользоваться благами по конечному, а не промежуточному результату труда. То есть охотник должен получать не рублишки за камчатского соболя, а в соответствии с его ценой на международном рынке, куда и идет в основном этот мех. То же самое — с красной рыбой и икрой. Вот тогда и будет не фальшивый, а настоящий конечный результат. Пока что, попросту говоря, обдираловка получается.

Словом, оптимальное решение проблем национальных сел в округе — в их самостоятельности, в возвращении им социальных и экономических прав, не на уровне деклараций, а реальных прав.

А. ДОЛГОВ.

На снимках: Г. Г. и С. М. Ягановы; вот такие бубны делают у нас; собачьи гонки минувшей зимой.

Фото В. Ильина и автора